

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА КОГАН

магистр филологии, научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)

ekaterinakogan@yandex.ru

СВЯТОСТЬ И СВЯТЫЕ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО ДИСКУРСА ВОЛГО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

Статья посвящена исследованию представлений о духовных религиозных категориях, проявленных в дискурсе диалектоносителей на территории Волго-Двинского междуречья (Архангельская, Вологодская, Костромская области). Рассматриваются способы описания в живых рассказах информантов категории святости, личностей святых и историй, связанных с ними. Основным используемым методом является анализ контекстной сочетаемости, слов-партнеров, в некоторых случаях – переносных значений. Рассматривается осмысление народным сознанием абстрактной категории *святости*, языковые трансформации агионимов, свидетельствующие о деперсонификации святых, а также редукции и модификации легенд о святых. Выявляется основная линия восприятия святых и святости в народной культуре – уход от абстрактной идеи, конкретизация, проявленная как в формировании «параметров» святости, представляющих собой переработку условий канонизации, так и в историях о святых. Также обращает на себя внимание связь в сознании диалектоносителей святых и святости с ритуалом. Актуальность исследования обусловлена обращением именно к речевому материалу, демонстрирующему картину мира, актуальную для сознания носителей культуры в настоящее время, а не архаическую, закрепленную в языке. Также актуальность работы задается вводом в научный оборот нового материала – данных полевых записей Топонимической экспедиции УрФУ.

Ключевые слова: дискурс, народная культура, картина мира, религия, диалект, духовные категории

Духовные идеи, каноны христианства проходили активное освоение в народной культуре.

Элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементов старой, а проникают в нее, уживаются с ней, вступают в различного вида соотношения <...> тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее [10].

Данная статья продолжает рассмотрение религиозных воззрений и категорий, отраженных в народном сознании диалектоносителей Русского Севера. В предыдущей работе автора анализировались представления о Боге, душе, грехе и загробном мире¹, теперь же в фокусе изучения находится восприятие святых и самого понятия святости.

Восприятие носителями народной культуры личностей святых, переработка житий и создание множества текстов устных историй, связанных с ними, традиционно привлекают внимание исследователей [5], [6], [7], [8] и др. В данном случае в качестве материала выступают контексты, содержащие лексему *святой*, а также агионимы и хрононимы с агионимическим компонентом. Рассматривается контекстная сочетаемость данных лексем, грамматические характеристики, то есть языковая и речевая экспликация представлений народной культуры. Считаем продуктивным

обращение к дискурсу, непосредственной речи диалектоносителя, поскольку данный материал позволяет проанализировать особенности картины мира, актуальные на момент высказывания, а не закрепленные в языке как устойчивые единицы с относительно стертоей внутренней формой. Живое рассуждение

объединяет такие гетерогенные сущности, как сознание (и «бессознание») участников дискурса, так и ситуацию, обстановку, которая их объединила. <...> именно в этом пространстве метонимически соединены идеи и вещи, отражением чего является несвободная сочетаемость лексических единиц <...> сопоставимая со свободной [11: 25].

Исследование дискурса представляет интерес и с когнитивной точки зрения, поскольку

дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми [4: 525].

Источником материала послужили записи рассказов диалектоносителей территории Волго-Двинского междуречья (Архангельской, Вологодской и Костромской областей), сделанные

в ходе полевых работ Топонимической экспедиции УрФУ.

Основной чертой, присущей народному сознанию в данной сфере, является, по-видимому, отсутствие достаточного знания житий тех святых, память которых отмечается в той или иной местности. В народном восприятии существует своего рода хроноцентрический «узел» – памятная дата, престольный праздник деревни либо просто отмечаемый день, связанный с именем святого. Однако, как правило, нет понимания, почему тот или иной персонаж причисляется к лицу святых, отсутствует знание жития святого либо посмертных чудес, связанных с ним. Можно выделить следующие моменты, связанные с осмысливанием в народном сознании концепции святых и святости: 1) определение «параметров» святости; 2) осмысливание имени святого и семантические трансформации, происходящие на границе агионима и хрононима; 3) переработка легенд, связанных со святым.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ПАРАМЕТРОВ» СВЯТОСТИ

По правилам официальной церкви, «для канонизации подвижника были необходимы следующие условия: свидетельства о благочестивой жизни, народном почитании и чудотворениях» [2]. В народной культуре данные параметры получают более конкретное выражение. К святым в народном сознании причисляется человек набожный, много молящийся, ведущий уединенный образ жизни:

влг. тот. *Вассиан Тиксинский давно жил здесь, в Семёново, в тысяча шестьсот каких-то годах. Он жил один, молился все время, поэтому святой.*

На основании данных параметров святым может называться человек, не причисленный к лицу святых официально:

костр. буй. *В Натальино парализованный мужик был, всё читал Евангелие, Алексеюшка. Его святым нарекли; влг. в-уст. Там часовенка стоит. Похоронен там святой Максим. Его звали Юков Максим Георгиевич. Табличка висит. Он в сузёме (то есть в лесу) жил, в сузёме умер. Его паутины, комары кусали, а он все сидит, молится, не сгонит с себя ни единого (в данном случае параметр уединенной жизни и постоянных молитв дополняется конкретным проявлением смирения, отсутствия гнева).*

При этом обращает на себя внимание лексически выраженное противопоставление «официального» и «неофициального» святых: если про Василиана Тиксинского отмечается, что он «давно жил», и дается его каноническое наименование, то для обозначения народных «святых» используется гипокористика (*Алексеюшка*), полная трехчленной формы имени (*Юков Максим Георгиевич*) и простонародное обозначение (*мужик*).

Мотив страдания за веру, мученичества может снижаться до земных страданий от болезни (однако сохраняется само слово *страдание*, кото-

рое получает почти терминологическую окраску и становится обоснованием того, чтобы считать человека святым): костр. буй. *Алексеюшка здесь жил святым. Болел и страдал 20 лет.*

Чудотворение находит воплощение прежде всего в способности к предсказанию и в посмертном исцелении больных; однако отмечается и нетипичность прижизненных физических свойств (возможно, в данном случае можно с осторожностью говорить о «наведении» данного свойства рассказами о нетленных мощах святых):

костр. буй. *Алексеюшка здесь жил святым <...> Предвидел будущее и не было пролежней у него. А земелька с его могилы целебная, и ключик из-под нее бьет со святой водичкой; костр. буй. Говорят, тут (у церкви) Алексеюшко-святой похоронен, из-под его течет. Вроде как святой, придут на могилы – заходят, воду берут. Лежал человек долго больной, ничем не пахло. Вроде как святой. Когда землю берут, говорят, что помогает.*

Вероятно, на основании восприятия благочестивой жизни и частых молитв как параметра святости становится возможным семантический переход «святой – священник». По-видимому, таким образом объясняется переосмысление легенды о сорока севастийских мучениках. В каноническом варианте легенды речь идет о воинах, после отказа приносить жертву языческим богам выставленных в озеро, покрытое льдом. В народном же рассказе они «становятся» священнослужителями:

костр. шар.: *Утопили ведь много людей, сорок мучеников в озере, набожных людей, там и патриархи, и все, у них поверх голов оказались венцы. Вот жавороночками-то набожных людей этих и поминали.*

В данном примере вновь видна синонимия «святой» – «набожный».

В качестве обязательного атрибута святого выделяется смерть. С одной стороны, это вполне естественно, поскольку канонизация происходит только после смерти. Однако в народном сознании часто из всей истории и посмертных чудес святого остается именно она, функционируя в дискурсе как своего рода причина почитания:

арх. прим. 22 июня Кириллова память, съезжий праздник в Лопшеньге, Кирилл святой погиб – вот и праздник; арх. прим. В Яреньге Логинову память праздновали да Иванову память. Логин да Иван святые были, разбились в карбасе.

Если история св. Лонгина и Иоанна не отличается полнотой и содержит, скорее, описания судьбы чудотворных мощей и явлений святых, то история Кирилла Белозерского достаточно драматична для того, что в достаточной мере запомниться [3].

Святость предстает как обладающая градуальностью, способностью к проявлению в большей или меньшей степени: костр. шар.: *Сегодня Пантелеймон-Исцелитель. Пострадал он, очень святой.*

Размытость параметров святости при вписанности имени святого в ритуал отмечания его памяти приводит к расширению значения слова *святой*. Происходит перенос понятия на предметную сферу, становится возможным называние «святым» любого объекта, используемого в ритуальных целях:

влг. tot. *Бегали по этой росе <на Иванов день>, она святая считается; арх. карг. Вересяны подойники были, цытобы затухоли не было. Раньше говорили: «Святая лесинка-вересинка, лес святой верес», и вересом парили всю посуду деревянну; арх. лен. святое блюдце 'блюдце, используемое в святочном гадании' Сядут за стол, возьмут лист бумаги и напишут алфавит. В центр листа кладут перевёрнутое блюдце. На блюдце руки кладут три человека, а потом святое блюдце движется в сторону букв. Так узнают, сбудется желание или нет.*

ОСМЫСЛЕНИЕ ИМЕНИ СВЯТОГО

В аспекте восприятия имени происходит своего рода «деперсонификация» святого, при которой его имя перестает соотноситься с конкретной личностью.

На лексическом уровне деперсонификация выражается в наличии частого контекстного партнера – местоимения *какой-то*:

арх. вин. *В Усть-Ваеньге был Кириллов день, Кирилл – какой-то святой был; влг. кад. Дмитровские субботы – это родители разговариваются, весной уж, по-церковному это, какой-то святой, Дмитровские субботы и Дмитров день одно и то же.*

На грамматическом уровне утраты святым соотнесения с личностью проявляется в изменении рода святого в составе хрононима: костр. парф.: *Никола вешияя, бывает и зимняя; 19 декабря Никола Господня, большой праздник*; костр. пыш. *Никола была 19 декабря*. Отмечается также восприятие двух святых как единой сущности, которое выражается несколькими способами: а) имя второго святого функционирует как приложение к имени первого: костр. окт. *Пётр-Павел час убавил, Илья-пророк два уволов; Фролы-Лавры – последний летний день*; костр. кад.: *Кузьма-то Девъян какой святой был*; б) имена сливаются в единый комплекс: костр. пав. *Ездили на Кузьмадемьян торговать на Вохму*; в) имя второго святого теряется, а имя первого получает форму множественного числа вследствие памяти о том, что персоналий, которым посвящен праздник, две: костр. шар. *В Колесихе Петры и Богородица, в Киеве Петры; Петры – оне 12 июня, а потом идёшь ко мне [в д. Заводь] Спасы отгавывать, а потом на Фролы*. Как приложение к имени может функционировать и неантропонимический элемент: костр. кад. *Михайло Чудо 'день св. Михаила-Чудотворца, 19 сентября'*. Объединяясь с именем, он ставит оnim на границе между именем святого и именем события, сотворенного им.

На семантическом уровне этот же распад связи имени святого с его личностью проявляется

в использовании имени святого в функции хрононима:

костр. шар. *Или вот Илья второго, завтра будет Илья-пророк, после него не купалися; К Макарию черника поспевает; влг. tot. Сегодня Илья-пророк, ни стирать, ни мыть нельзя.*

На единство святого и дня, который ему посвящен, присущее славянской народной культуре в целом, указывает С. М. Толстая [9].

Возможен и противоположный процесс, при котором происходит восприятие самого праздника как антропоморфной сущности, что выражается в контекстной сочетаемости хрононима с глаголами в позиции активного деятеля:

влг. tot. *На Великий Четверг можно подойницы выность. Его попроси о чём – всё сделает; Благовещенье – 7 или 8 марта денёк. Оно благо вещает, работать не надо, отдохнуть надо.*

Антропоморфизация проявляется в сочетании названий праздников с терминами родства (костр. пав., костр. окт., влг. tot. и др. *батюшка Покров*) и может достигать той степени, на которой происходит переосмысление самой сути праздника, когда хрононим переосмысливается как агионим, возникает «phantomный» святой [8: 590]:

костр. с-гал. (о дне жен-мироносиц) *В марте где-то делали, домолотили когда клади, Мироносец только после последней молотьбы, когда зимнее зерно кончалось; влг. tot. Покрова – 14 сентября. Покрова она, ходят молиться. Все поля убраны – и ходят молиться, кто чё-то нагрешил, кто чего беды какие – помолись, и Покрова Святая покрывалом своим всё-всё облегчит. Покрова – это женщина. У меня её [то есть иконы] нет, а я ей молюсь.*

ЛЕГЕНДЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СВЯТЫМ

В народных обработках легенд, связанных со святыми, основным направлением является генерализация, выделение одного аспекта истории святого. Мотивы ее могут быть различны: для св. Лонгина и Иоанна (см. выше) акцентированное смерти, как кажется, вызвано отсутствием прижизненной истории святых и довольно распространенными сюжетами о чудесах посмертных. В рассказах о св. Пантелеймоне, а также св. Косме и Дамиане подчеркивается их способность исцелять. При этом мученичество становится нерелевантным, а факт смерти не всегда проговаривается:

костр. шар. *Сегодня Пантелеймон-исцелитель. Лечил людей и сам попал в рай; костр. мак. Это были такие святые угодники. Кузьма да Демьян. Они больных лечили за так, бесплатно.*

Генерализация может представлять собой и выделение одного из сюжетов жития при редукции остальных событий. Ярким примером этого является «пересказ» истории о чуде архангела Михаила. Исходная легенда гласит, что во Фригии, в городе Колоссы, был храм, посвященный архангелу Михаилу, построенный одним из

жителей города в благодарность за исцеление его дочери водами целебного источника, располагавшегося на том месте. В этом храме много лет служил Архипп Херотопский, прославившийся своей добродетельной христианской жизнью. Язычники решили уничтожить храм и одновременно убить Архиппа. Для этого они соединили в один поток две горные реки и направили его на храм. Архипп начал молиться архангелу Михаилу о предотвращении бедствия, тот появился около храма и, ударив жезлом по горе, открыл в ней широкую расселину, куда устремились воды потока; храм же остался неприкосновенным [1]. Народное сознание сохраняет лишь последний эпизод легенды: (в рассказе о празднике Михаило Чудо) костр. кад. когда нападение было, он ночью перекопы сотворил. Возможна генерализация, основанная на номинации святого:

влг. в-уст. Симонов столбик стоял у Симоновской церкви, а церковь так называлась, потому что там Симон-угодник жил. У Симонова столбика богу молились.

В данном случае представляется более уместным говорить о переосмыслинении имени *Симеон Столпник*, поскольку почитание Симона-угодника территориально относится к Ивановской области.

Другое направление представляет собой «вписывание» событий легенды в иной культурный контекст. Таковым становится местная (или общероссийская) история, география, культурные традиции. В данном случае сюжет легенды также предельно упрощается, а момент, выбранный народным сознанием в качестве ключевого, преображается сквозь призму привычных реалий. Контекстными партнерами в этом случае становятся местные топонимы и производные от них, а также культурные реалии:

влг. тот. Егорий он как это был, пустынник, неженатый. Ходил всё по пустыне, потом отошёл да упал. Пришёл к нему Святой Дух, сказал: «Вставай». Он встал да пошёл. Идёт, а это донское войско идёт на мирных

жителей. И слышит ему: «Садись на коня». Оказался конь перед ним, перед Егорием, он сел на коня, в броню одежда на нём оказалась. Святой Дух сказал: «Езжай и сражайся». Вот он и сразился; влг. влг. Николай Чудотворец по Вологде приплыл в Саманиху, и там церковь построили. Его в д. Рождество не приняли. А в Полянах в него палкой кинули, а он вышел на берег, сказал: «Будьте вы, Поляны, ни сыты, ни голодны». А у них там было ускотье – все коровы умирали. А он приказал строить церковь на том месте; В деревне Богослово Николай Чудотворец лапоточки оставил, вот Богослово и зовут Лаптево; костр. парф. Иванов день. Нельзя в огороде работать. Ему голову отсекли, злая женщина была. И на капустном листе принесли.

Еще одним, хоть и нечасто проявляющимся моментом, присутствующим в рассказах диалектоносителей о святых, является народная этимология, приводящая к переосмыслинению как историй святых (влг. тот. Егорий он как это был, *пустынник*, неженатый. Ходил всё по *пустыне*, потом отошёл да упал), так и окружающей действительности (влг. в-уст. Симонов *столбик* стоял у Симоновской церкви, а церковь так называлась, потому что там Симон-угодник жил).

Таким образом, образ святого утрачивает рамки «человечности», разрастаясь, вбирая в себя хроноцентрическую ситуацию праздника и иконическое изображение. Происходит конкретизация как абстрактной идеи святости (в переосмыслинении причин канонизации через бытовые проявления, а также в возможности применения лексемы *святой* к предметам), так и образа святого (через трансформацию легенд, связанных с ним, редукцию их и «вписывание» в местный культурный фон). При этом святость и святые сохраняют границы связи с обрядом, ритуалом (будь то лечение, защита или же ритуал хождения в гости). Внутри же этой конкретизации выделяется линия святой – праздник, где возможно проявление двух доминант: доминанта святого, при которой праздник антропоморфизируется, и доминанта праздника, при которой святой воспринимается как повод для него, теряя идентичность с конкретной личностью.

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Коган Е. С. Душа, Бог, грех и загробная жизнь в зеркале диалектного дискурса Волго-Двинского Междуречья // Научный диалог. 2017. № 11. С. 77–92.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминание чуда архистратига Михаила, бывшего в Хонех // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/days/sv-mihail-arhangel> (дата обращения 28.01.2018).
2. И г у м е н Д а м а с к и н (О р л о в с к и й). К вопросу о критериях канонизации святых Русской Православной Церкви: Агиография и литература // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=39> (дата обращения 03.02.2018).
3. Краткое житие преподобного Кирилла Белоозерского // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/days/sv-kirill-belozerskij> (дата обращения 01.02.2018).
4. К у б р я к о в а Е . С . Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

5. Мороз А. Б. «Свои» и «чужие» святыне: к вопросу о формировании культа святых // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 2011. 565 с.
 6. Мороз А. Б. Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Издательский дом «Неолит», 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/andrej-moroz/narodnaya-agiografiya-ustnye-i-knizhnye-osnovy-fol/read/> (дата обращения 29.03.2018).
 7. Попов Р. Народная этимология и куль святых // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 131–137.
 8. Толстая С. М., Белова О. В. Святыне // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 589–594.
 9. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rumvi.com/products/ebook/%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B5/a8f21ad6-a2dd-47ae-91fb-5c019c4f2cd/preview/preview.html#TOC_EMRAE (дата обращения 30.03.2018).
 10. Толстой Н. И. Проблема реконструкции древнеславянской народной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 41–60 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/lingistics3/tolstoy-95b.htm> (дата обращения 01.02.2018).
 11. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 272 с.

Kogan E. S., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation)

SANCTITY AND SAINTS IN THE MIRROR OF THE DIALECT DISCOURSE OF THE INTERFLUVE AREA BETWEEN VOLGA AND DVINA*

The article refers to the notions of spiritual and religious categories which function in the dialects existing in the interfluve area between the Volga and the Dvina rivers (Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions). The author examines the ways the informants describe in their speech the categories of sanctity, the saints and different stories related to them. The main method is the analysis of context compatibility, partner words and in some cases – figurative meanings. The understanding of the abstract category of sanctity by popular mind, linguistic transformations of saints' names indicating their depersonalization, as well as reductions and modification of legends related to saints are the points of interest. The main way of perceiving saints and sanctity in the popular culture is revealed, when the abstract idea is abandoned and concretized. As a result, some "parameters" of sanctity (which are often represented by the revision of canonization conditions) and stories about saints are formed. The connection between saints, sanctity and rituals in the popular mind also attracts attention. The present study is topical thanks to its modern speech material, which reveals a world picture, typical for modern dialect speakers, and not an archaic one, which is fixed in the language. The relevance of the present study is also due to the introduction of new material: filed notes data of Ural Federal University Toponimic Expedition.

Key words: discourse; popular culture; world picture; religion; dialect; spiritual categories

* The study was conducted as part of the project No 34.2316.2017/PM (Interfluvia area between the Volga and the Dvina rivers and the Belozersk region: history and culture of regions according to linguistic data), supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

REFERENCES

1. The remembrance of Archangel Michael's miracle at Chonae. *Orthodox encyclopedia*. Available at: <https://azbyka.ru/days-sv-mihail-arhangel> (accessed 28.01.2018). (In Russ.)
 2. Hegumen Damaskin (Orlovskiy). Revisiting criteria of Russian Orthodox saints canonization: hagiography and literature. *Proceedings. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2015. № 2 (34). Available at: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=39> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)
 3. Short hagiography of St. Cyril of Beloozero. *Orthodox encyclopedia*. Available at: <https://azbyka.ru/days/sv-kirill-belozereskij> (accessed 01.02.2018). (In Russ.)
 4. Kubryakova E. S. Language and knowledge. On the way towards acquiring knowledge about language: parts of speech in the cognitive context. The role of language in cognition. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
 5. Moroz A. B. "Our" saints and "their" saints: revisiting the hierolatry development. *Ryabinin Readings – The materials of the 4th conference devoted to the actualization of the Russian North cultural heritage*. Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Petrozavodsk, 2011. 565 p. (In Russ.)
 6. Moroz A. B. Folk hagiography. Oral and literary basis for the folk hierolatry. Available at: <https://mybook.ru/author/andrej-moroz/narodnaya-agiografiya-ustnye-i-knizhnye-osnovy-fol/read/> (accessed 29.03.2018). (In Russ.)
 7. Popov R. Folk etymology and hierolatry. *The language of culture: semantics and grammar. Celebrating the 80th anniversary of academician Nikolay Ilyich Tolstoy*. Moscow, Indrik Publ., 2004. P. 131–137. (In Russ.)
 8. Tolstaya S. M., Belova O. V. Saints. *Slavic antiquities*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. Vol. 4. P. 589–594. (In Russ.)
 9. Tolstaya S. M. The vision of the world in text and ritual. Available at: http://www.rumvi.com/products/ebook/%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B7-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%B5/a8f21ad6-a2dd-47ae-91fb-5c019c4f2c0d/preview/preview.html#TOC_EMPAE (accessed 30.03.2018). (In Russ.)
 10. Tolstoy N. I. The problem of reconstituting Old Slavic folk culture. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow, 1995. P. 41–60. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics3/tolstoy-95b.htm> (accessed 01.02.2018). (In Russ.)
 11. Chernyeyko L. O. Linguistic and philosophical analysis of abstract nouns. Moscow, Knizhnnyy dom LIBROKOM Publ., 2010. 272 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.04.2018